

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»

(Исследование Анджело Данти)¹

Как хорошо известно, основной аргумент скептиков в пользу позднего происхождения «Слова о полку Игореве» заключается в том, что текст его ближе к поздним текстам «Задонщины», чем к раннему, заключенному в Кирилло-Белозерском списке № 9, а потому «Слово о полку Игореве» следует признать зависящим от «Задонщины», а не наоборот.

Текстологическая аргументация эта была впервые выдвинута чешским ученым Я. Фрчеком,² в заслугу которого следует поставить привлечение большего числа списков «Задонщины», чем рассматривалось русскими исследователями до него. Глава скептического направления в области изучения происхождения «Слова» А. Мазон в этой части признал выводы Я. Фрчека, никак, впрочем, их не развив и не углубив. С возражениями Я. Фрчеку и А. Мазону прежде всего выступили в 30-х годах Е. Ляцкий³ и И. Н. Голенищев-Кутузов.⁴ Не занимаясь специально текстологией «Задонщины», оба исследователя указали на то, что считать текст «Слова о полку Игореве» более близким поздним спискам, чем списку *Кб*,⁵ нет никаких оснований. Это было правильно, но аргументация их имела существенный пробел: список *Кб* был вполнину короче так называемого полного текста, и поэтому, если желать видеть в нем первоначальный текст, он все же в целом, количественно, имел меньше (просто в силу своей краткости) сходных мест со «Словом», чем списки, сохранившие обе части «Задонщины». Отсюда возникла необходимость разобраться в происхождении особенностей текста *Кб*, а это повлекло за собой необходимость исследовать взаимоотношения списков «Задонщины» и их происхождение.

Первыми серьезными исследованиями текстов всех списков «Задонщины» явилась серия работ В. П. Адриановой-Перетц.⁶

¹ A. D a n t i. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina». — Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli studi di Perugia, vol. VI. Roma, 1968—1969 (ссылки на страницы этой работы в дальнейшем в тексте в скобках).

² J. F r č e k. Zádonsťina. Staroruský žalozpěv o boji rusů s tatarsy r. 1380. V Praze, 1948.

³ Е. Л я ц к и й. 1) Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». 1. Скептическое направление. — Slavia, год. XVII, 1939, сс. 1—2; 2) Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». 2. Гипнотизация и действительность. — Slavia, год. XVII, 1939, сс. 3.

⁴ И. П. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2. Белград, 1940.

⁵ Здесь и далее пользуюсь условными обозначениями списков «Задонщины», принятыми в советских работах.

⁶ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. 1) «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8; 3) «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948.

Исходя отчасти из исследований В. П. Адриановой-Перетц, но в значительной степени опираясь на свои собственные наблюдения, Р. О. Якобсон придал серьезное теоретическое значение близости текста *Кб* тексту списка *С*.⁷ Благодаря этому сразу повысился уровень спора по текстологическому истолкованию взаимоотношения списков «Задонщины».

В 1966 г. одновременно вышли две замечательные работы Р. П. Дмитриевой по текстологии «Задонщины»⁸ и почти одновременно две работы А. А. Зимина,⁹ также посвященные текстам «Задонщины». Работы А. А. Зимина интересны в том отношении, что после многих лет молчания по этому вопросу так называемых «скептиков» в них была сделана первая попытка продолжить текстологическую аргументацию Фрчека, в свое время подхваченную Мазоном.

Наконец, в самое последнее время появились две текстологические работы итальянского исследователя древнерусской литературы Анджело Данти, в которых он возвращает нас к той же проблеме с позиций итальянской текстологической школы.

Важность и острота вопроса о подлинности «Слова о полку Игореве», который стоит за всеми исследованиями «Задонщины», повысила ответственность ученых-текстологов и определила очень высокий уровень текстологического спора в последние два десятилетия. Каждый из исследователей, максимально напрягая текстологическую аргументацию, отчетливо выявил особенности своей текстологической школы. Поэтому представляется важным и интересным подойти к последним текстологическим работам о «Задонщине» с точки зрения их текстологической методики.

1

Наиболее резкие отличия в области методики текстологического исследования наблюдаются между работами о «Задонщине» А. А. Зимина и Р. П. Дмитриевой.

Работа А. А. Зимина «Две редакции „Задонщины“» не анализирует особенности и историю текста каждого списка. На первой странице, как априорная, высказывается та мысль, что список *Кб* представляет первую, древнейшую, краткую редакцию, а все остальные — позднейшую, полную. Далее вся обширная работа посвящена сравнению текста этой древнейшей редакции с текстом «полной редакции» по эпизодам. Этот анализ состоит в том, что в каждом эпизоде по отдельности различными путями обосновывается одна мысль — текст *Кб* всюду, во всех случаях (вернее, во всех искусственно выделенных эпизодах), оказывается лучше, логичнее, «стройнее», красивее, правильнее, чем текст «полной редакции», взятой то по тексту одного списка, то по тексту другого.

В своих субъективных толкованиях А. А. Зимин исходит из мысли, что более «стройный», логичный, ясный текст всегда должен одновременно

⁷ R. Jakobson and D. S. Worth. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle of the Kulikovo Field. The Hague, 1963 (ср.: R. Jakobson. Selected Writings, IV. The Hague, 1966. p. 540—602).

⁸ Р. П. Дмитриева. 1) Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве»; 2) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966 (в дальнейшем ссылки на эти работы даются непосредственно в тексте статьи, с указанием страниц данного сборника).

⁹ А. А. Зимин. 1) Две редакции «Задонщины». — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. 24, Вопросы источниковедения истории СССР, 1966, с. 17—54 (в оглавлении данного тома у статьи А. А. Зимина другое название: «К истории текста „Задонщины“»); 2) Спорные вопросы текстологии «Задонщины». — РЛ, 1967, № 1, с. 84—104.

быть и более древним. Позднейший текст, с его точки зрения, — всегда испорчен, нелогичен, менее во всех отношениях художествен.

На совершенно иных методических основаниях строятся работы Р. П. Дмитриевой. Прежде чем выявить редакции и объединить тексты в группы и построить историю текста «Задонщины», Р. П. Дмитриева анализирует особенности каждого списка, сопоставляет тексты всех списков между собой, но не ограничивается и списками, — привлекая заимствования из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище».

Отсюда существенное различие в самом характере выводов Р. П. Дмитриевой и А. А. Зимина. Р. П. Дмитриева доводит историю текста не только до всех списков «Задонщины», но и отдельных заимствований из нее, строит полную стемму взаимоотношения всех списков. Выводы же А. А. Зимина касаются только двух априорно намеченных им редакций, не имея опоры в истории текста отдельных списков. Поэтому выводы А. А. Зимина не могут быть изображены в полной стемме списков и как бы повисают в воздухе, опираясь только на субъективные и «однаправленные» оценки двух редакций «Задонщины» по «эпизодам», не имея даже видимости объективности. (Для практических занятий по методике текстологических исследований представлял бы очень большой интерес сравнительный анализ методических приемов обеих исследователей в изучении текстов «Задонщины»).

Совершенно иной характер, отличный и от работ А. А. Зимина, и от работ Р. П. Дмитриевой, имеет исследование А. Данти. Его методические приемы представляют собой приемы весьма высокой и имеющей большой опыт и большую традицию итальянской «критики текста».

Свои наблюдения А. Данти ведет в основном на основе уже существующих исследований, оценивая их с точки зрения приемов итальянской «критики текста». А. Данти обращает внимание на разночтения и общие чтения различных списков и, еще до того как дать объяснение их происхождения, устанавливает редакции только по сумме сходств и различий в списках. Практика западноевропейской «критики текста» обычно предлагает сперва классифицировать списки по сумме их сходства и различий, а потом оправдать эту классификацию исторически. Между тем, с точки зрения текстологической методики, принятой в Секторе древнерусской литературы, разночтения и сходства анализируются по их происхождению еще до того, как на их основе устанавливается взаимоотношение списков. Задача установления истории текста стоит перед исследователями в их работе с самого начала. Она не является только последним этапом текстологической работы. Вывод вытекает не из количественного подсчета разночтений, а из объяснения их происхождения. Поэтому история текста строится не на основании установленных редакций, видов и изводов текста, а наоборот: выводы о происхождении отдельных разночтений и общих мест дают основание построить историческую схему взаимоотношения редакций, видов и изводов текста.

Только последний путь обеспечивает объективность выводов.

Другое правило, которым пользуются текстологи Сектора древнерусской литературы, состоит в следующем: при установлении истории текста произведения необходимо идти от известного к неизвестному, от установленного к неустановленному, от позднего и дошедшего к более раннему и несохранившемуся. Если для советских текстологов изучение текста означает изучение переписчика, писца, редактора текста, автора, то последовательность в этом ряду должна быть такой: сперва изучаются особенности работы писца того или иного списка, затем особенности протографа дошедшего списка или дошедших списков, затем работа редактора текста, если редакции определены, и только в конечном счете изучается сам ав-

тор.¹⁰ Исключение может представлять только текст, в котором объединены в одном лице писец и автор либо писец и редактор, но это исключительно редкие и счастливые для текстолога случаи. Счастливыми должны быть признаны и те случаи, когда приемы писца текста, редактора мы можем изучать на нескольких разных, сохранившихся от него текстах.

При всех текстологических сложностях, которые представляют для исследователей дошедшие списки «Задонщины», в одном отношении текстолог находится здесь в очень удобном положении: самый важный и самый «загадочный» из списков «Задонщины» — список *Кб* — дошел до нас в рукописи писца и редактора, которого мы не только знаем по имени, но который оставил нам и многие другие тексты, переписанные им и им же отредактированные.

Изучение текстов «Задонщины» безусловно должно начинаться с изучения приемов работы писца и редактора списка *Кб* — Ефросина. И такая работа в основном сделана; она дает очень много для понимания индивидуальных особенностей списка *Кб*. Это — статья Р. П. Дмитриевой, напечатанная рядом с той ее работой, которую А. Данти постоянно цитирует; статья называется: «Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»)».¹¹ В своей специальной работе о «Задонщине» А. Данти полностью игнорирует выводы этого исследования. Между тем, они чрезвычайно важны для того, чтобы выяснить — какие из черт списка *Кб* являются чертами индивидуальными, — отражающими индивидуальную манеру обращения с переписываемыми текстами Ефросина.

Подходя в настоящее время к изучению взаимоотношения списка *Кб* с остальными списками «Задонщины», мы прежде всего должны снять эти индивидуальные черты и только после этого изучать — к какому же из других списков «Задонщины» близок остающийся текст *Кб*.¹²

Можно соглашаться или не соглашаться с отдельными частными наблюдениями и выводами из этих наблюдений Р. П. Дмитриевой, но никак нельзя не признать того ее общего положения, что список *Кб* в немалой степени должен был отразить и, очевидно, отразил, индивидуальную редакторскую манеру его писца — Ефросина. Среди всех многочисленных и обширных текстов, которые были переписаны собственной рукой Ефросина, нет ни одного, который не подвергся бы сокращениям и изменениям с его стороны. Манера, в которой Ефросин обрабатывал переписываемые им тексты, резко индивидуальна.¹³

¹⁰ Текстологический принцип, в силу которого нужно идти от более позднего к более раннему, был установлен в работах А. А. Шахматова по изучению летописей. Тщательное, слой за слоем, как у реставраторов, «освобождение» древних редакций из-под слоя более поздних было широко и блестяще проведено А. А. Шахматовым и позволило ему создать историю русского летописания.

¹¹ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова», с. 264—291. Ср. также предшествующую работу Я. С. Лурье «Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961).

¹² Признаю ошибкой, что в сборнике «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» эта статья Р. П. Дмитриевой помещена после ее статьи «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“». Более естественным и удобным для понимания хода рассуждений Р. П. Дмитриевой было бы объединить обе статьи в одну под общим заглавием «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст второй статьи напечатать перед текстом первой.

¹³ Говорю это вопреки тому, что утверждает А. А. Зимин в своей статье «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». (РЛ, 1967, № 1, с. 91; возражения ему см. в статье: Р. Дмитриева, Л. Дмитриев, О. Творогов. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». — РЛ, 1967, № 1, с. 111—112).

«Техника» сокращений, произведенных Ефросином, хорошо показана Р. П. Дмитриевой; вторичность сокращений в большинстве случаев не может вызывать сомнений (см., например, с. 254).

В списке *Кб* имеются не только сокращения, выполненные в манере Ефросина, характерной для всей его работы переписчика различных текстов, но и явные вставки. Две из них определяются достаточно отчетливо. Первая — из «Слова о погибели Русской земли»; вторая — либо из Синодика, как думает Р. О. Якобсон, либо из Летописной повести о Куликовской битве, как полагает М. А. Салмина.¹⁴

В одном только случае мы можем не согласиться с Р. П. Дмитриевой. Должны ли мы вслед за ней считать, что описание второй половины битвы было опущено не Ефросином, а кем-то из его предшественников? Р. П. Дмитриева приводит для этого предположения единственное основание: Ефросин приписал в конце своего текста текст летописных записей, близких событиям Куликовской битвы из им же переписывавшегося перед тем летописца в рукописи *Кб* 22 (с. 251).¹⁵ Р. П. Дмитриева предполагает, очевидно, что Ефросин был недоволен окончанием текста и решил сгладить впечатление от обрыва текста на половине рассказа. Но, во-первых, неясно — действительно ли Ефросин был недоволен окончанием. Ведь доволен же им современный требовательный исследователь А. А. Зимин, а во-вторых, Ефросин мог быть в такой же мере недоволен получившимся своим окончанием, как и чужим.

Я думаю, что смысл списка *Кб* состоял в поминании павших к столетию Куликовской битвы. Для этого текст «Задонщины» сокращен, особенно в своей второй части. Для этого пополнен по другому источнику список убитых, для этого же вставлена выдержка из «Слова о погибели Русской земли».

Перестановки в тексте списка *Кб* также отчасти объясняются этим его назначением: поскольку перечисление убитых составляет смысл и конец текста, эпизод с Пересветом и Ослябей переставлен перед перечислением убитых. Плач жен по убитым по этим же причинам помещен после перечисления убитых. Наконец, по этим же причинам произведена вставка даты битвы — 8 сентября; она же — дата поминания убитых в церкви.

Характерно и важно, что вставка из «Слова о погибели Русской земли» теряет свой бравурный смысл, который это место имело в «Слове», и приобретает смысл оплакивания погибших всей Русской землей и окружающими ее странами именно в *Кб*.

Так, в списке ГИМ, Музейское собр., № 2060, читаем: «Черпа земля под копыты, костями татарскими поля насъяша, кровью земля пролита. . . Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Желъзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолъша Мамаю

¹⁴ Р. О. Якобсон объясняет влиянием Синодика употребление некоторых имен в перечне убитых в списке *Кб* в родительном падеже (см.: Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field, p. 31); М. А. Салмина, сближая *Кб* с Летописной повестью, опирается на наличие в обоих памятниках общих имен, неизвестных другим спискам «Задонщины»; к тому же, по ее наблюдениям, *Кб* и Летописная повесть имеют и другие параллели (см.: М. А. С а л м и н а, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 382—383).

¹⁵ Другой исследователь «Задонщины» — О. В. Творогов, как и Р. П. Дмитриева, полагает, что в распоряжении Ефросина или его предшественника находился дефектный текст «Задонщины» (см.: О. В. Т в о р о г о в, «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 311—312).

на полѣ Куликовѣ». ¹⁶ В списке *Кб* иначе: «Тогда поля костью насѣяны, кровью полиано. Воды возпиша, вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ». ¹⁷

В списке *Кб* отсутствует упоминание о «славе», «похвале» и о победе над Мамаем.

Поскольку в изменониях, внесенных Ефросином в текст «Задонщины», заметно творческое начало, текст списка *Кб* действительно можно считать особой редакцией — редакцией Ефросина. В списке *Кб* мы видим не случайные опибки и описки, а вполне сознательные сокращения и изменения. Это не дефектный список, а список, подвергшийся целенаправленной редакции, — следовательно, э т о р е д а к ц и я.

2

Редакция, представленная в единственном, «редакторском», экземпляре, не может быть отвергнута на этом основании из текстологического рассмотрения при попытках восстановления текста, лежащего в основе всех списков «Задонщины» (разумеется, называть этот архетипный текст, лежащий в основе всех дошедших списков, авторским никак нельзя). Дело в том, что, хотя редакция Ефросина «поздняя», но рукопись, в которой она представлена, самая ранняя, и в силу этого неизмененные Ефросином чтения представляют собой очень важные свидетельства об архетипном тексте. Именно поэтому текст списка *Кб* нуждается в очень тщательном сличении в предположительно сохранившейся от первоначального чтения его части со всеми остальными списками и выявлении не только более архаичных, «правильных», чтений, но и отличающихся от общих для остальных списков вторичных чтений. При этом взаимоотношения списка *Кб* и остальных списков должны выясняться не по составу, ибо состав *Кб* объясняется в основном характерной работой переписчика Ефросина или случайными причинами, а по отдельным чтениям тех частей *Кб*, которые имеют соответствия в других списках.

Краткость списка *Кб* и отсутствие в нем второй части безусловно должны быть в первую очередь исключены из материалов сличения, как недостоверные, сугубо индивидуальные особенности списка *Кб*.

Эта работа и была проделана Р. П. Дмитриевой в ее первой статье «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“», которую, как я уже сказал, удобнее было бы поместить второй в сборнике «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла», т. е. после рассмотрения ефросиновских особенностей списка *Кб*. ¹⁸

Наибольшая близость списка *Кб* к списку *С* основной редакции, предположенная Р. О. Якобсоном, была окончательно доказана Р. П. Дмитриевой и в сущности в целом признается и А. Данти. Однако А. Данти отрицает существование особого извода *Сил.*, куда входит текст списка *С* и текст *Кб*.

¹⁶ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 543. В списках *У* и *С* текст сходный.

¹⁷ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 549—550. Слова, выделенные нами, восходят к «Слову о погибели». О. В. Творогов (в статье «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“», с. 302) считает чтения *Кб* «за Волгу» и «порожнымъ (т. е. пустым, незаселенным, — Д. Л) землямъ» параллелями к тексту «Слова о полку Игореве» («... велить послушати земли незнаемъ, Вльзѣ»), слово «воды» — искажением слова «диво».

¹⁸ Напомню, что О. В. Творогов произвел сопоставление списка *Кб* со «Словом о полку Игореве» и обнаружил 11 индивидуальных параллелей списка со «Словом», — больше, чем у любого иного списка «Задонщины» (См.: О. В. Т в о р о г о в. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», с. 300—312).

Отметим те аргументы Р. П. Дмитриевой, которые не принимаются во внимание А. Данти.

Прежде всего — существование особого извода *Син.*, к которому принадлежит *С* и *Кб*, подтверждается и текстом тех 7 заимствований из «Задонщины», которые имеются в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» и о которых во всех суждениях о тексте извода *Син.* ни в коем случае нельзя забывать. Р. П. Дмитриева пишет: «Список, отраженный в Печатном варианте, не мог восходить ни к тексту типа списка *Кб*, ни к тексту, тождественному списку *С*, и не мог слить эти два источника, хотя в нем и имеются особенности того и другого списков. Дело в том, что в нем сохранились некоторые более ранние чтения. Он не мог вести свое происхождение от списка, подобного *Кб*, так как эпизод с описанием боя, характерный для *Кб* списка и Печатного варианта, в Печатном варианте передан ближе к оригиналу» (с. 231).

В истории текста дошедших до нас списков «Задонщины» имеется, таким образом, очень важное обстоятельство: единственная вторичная редакция «Задонщины» входит в состав одного из изводов. Иными словами: сильное выделение одного из текстов (редакция) подчиняется в историческом плане более слабому выделению текста (изводу). Такое соотношение не удивляет при историческом изучении дошедших текстов, но крайне странно при попытках классифицировать тексты только по механическим признакам (исходя из формального деления текстов по разночтениям), ибо, ограничиваясь подсчетом количества разночтений¹⁹ между *Кб* и остальными списками, мы действительно должны были бы объединить эти «остальные списки» в одну редакцию и делить все тексты «Задонщины» на две редакции: редакцию *Кб* (краткую) и редакцию всех остальных списков (полную). Перенесение этого деления в исторический план из формально-механического и дает ту ошибочную историю текста «Задонщины», из которой исходят исследователи, считающие текст «Слова о полку Игореве» вторичным по отношению к тексту «Задонщины».

III. Бедье в свое время установил очень любопытную зависимость между методикой разбивки дошедших текстов по редакциям, разработанной К. Лахманом и его школой, и полученными выводами. Оказалось, что у ученых, пользующихся «теорией общих ошибок», стеммы списков — парноветвистые (дихотомные). III. Бедье собрал 80 стемм, выполненных по системе К. Лахмана, 78 из них оказались парноветвистыми, т. е. делящими все списки по двое.²⁰

Можно, даже не собирая различных стемм, выполненных формальной, традиционной «критикой текста», в которых группировка списков предшествует историческому анализу, сказать, что любые крупные деления текстов будут в этих стеммах предшествовать более мелким делениям, тогда как реальная возможность происхождения крупного деления из мел-

¹⁹ Именно из такого рода методики (по количеству разночтений и формально, без анализа сопоставляемого состава) исходит и А. А. Зимин. В статье «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» он пишет: «Отмечая текстологическую близость списков *Кб* и *С*, с одной стороны, и *И1* и *У* — с другой, Р. П. Дмитриева (как и Р. О. Якобсон) объявляет первую пару списков принадлежащими к одному (Синадальному) изводу, а вторую — к другому (Ундольского). Но, как известно, сходство *С* с *И1* и *У* неизмеримо больше, чем с *Кб*: если в первом случае совпадают и композиция текста, и лексика, и стиль, и содержание, то во втором можно говорить только об отдельных словах и небольших оборотах» (с. 92). Р. П. Дмитриева как раз и не занимается вопросом о том, какое количество сходных черт сблизает *Кб* с *С*, а делает свои заключения на основании выяснения происхождения этих сходств и различий. Еще и еще раз приходится повторять: нет текстологического факта, пока он не объяснен в своем происхождении.

²⁰ Ch. J. Bédier. La Tradition manuscrite du «Lai de l'Ombre». Reflexions sur l'art d'éditer les anciens textes. — Romania, 1928, t. LIV.

кого (например, редакций из изводов) так же велика, как и обратная: мелких делений — из крупных (например, видов текста или его изводов — из редакций).

3

Как же объясняет А. Данти близость списка *Кб* к списку *С*? Говоря о предположении Л. Матейки²¹ и А. А. Зимина, что список *С* мог подвергнуться контаминации с одним из списков «краткой редакции» (редакции Ефросина), А. Данти склоняется именно к этому предположению, но с существенными оговорками. Он пишет: «По нашему мнению, при том небольшом критическом анализе текста, которого нам удалось добиться, вторая гипотеза (т. е. гипотеза Л. Матейки и А. А. Зимина, — *Д. Л.*) имеет большую вероятность считаться истинной, но она должна быть еще подтверждена тщательным критическим разбором и проверена в соответствии с традиционными канонами критики текста, которой должна быть подвергнута вся рукописная традиция „Задонщины“ и без которой невозможно выдвинуть ни одного ценного критерия для восстановления текста» (с. 219—220). Но именно такая работа в какой-то мере уже проделана Р. П. Дмитриевой в ее разбираемой статье — «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“». А. Данти не заметил или не придавал значения аргументам Р. П. Дмитриевой, вероятно, потому, что ее анализ текста расходится с «традиционными канонами критики текста».

Если считать, что краткая редакция есть редакция Ефросина, как это признает А. Данти в своем докладе на Варшавском съезде славистов,²² то какой же из списков этой редакции мог повлиять на традицию *С*? Ведь редакция Ефросина дошла до нас в списке Ефросина же, и нет никаких оснований предполагать, что она впоследствии размножалась в списках. Для того чтобы считать, что список *С* испытал на себе влияние одного из списков редакции *Кб*, надо прежде всего доказать, что группа *Кб* существовала, что индивидуальные особенности списка *Кб* не являются результатом индивидуальной манеры Ефросина; или необходимо доказывать, что на извод *С* повлиял непосредственно сам список *Кб*.

Предположение А. Данти, что список *С* представляет собой список извода *Унд.*, но лишь «испорченный» по одному из протографов *Кб*, высказывалось и Р. П. Дмитриевой и одновременно ею же шарировалось. Ввиду важности и этого предположения, и сомнений Р. П. Дмитриевой в возможности такого происхождения текста списка *С* приведу касающуюся этого вопроса часть ее статьи «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“»: «Если остановиться на предположении, что извод *Син.* был ближе списку *Кб*, тогда мы должны сделать совершенно определенный вывод, что при создании текста списка *С* основным и главным источником являлся текст списка извода *Унд.*, а текст извода *Син.* составитель списка *С* использовал как дополнительный источник (предположение, к которому присоединяется А. Данти, — *Д. Л.*). Этот вывод основывается на следующем: список *С* сохраняет все основные характерные черты извода *Унд.* и в содержании, и в композиции построения произведения. Ни одного отклонения списка *Кб* в передаче отдельных эпизодов или изменения последовательности передачи текста список *С* не отражает. . .

²¹ L. M a t e j k a. Comparative Analysis of syntactic Constructions in the Zadoňčina. — In: American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, 1963. The Hague, 1963, p. 383—403.

²² A. D a n t i. Di un particolare aspetto della tradizione manoscritta antico-russa: testi a duplice redazione e problemi della loro edizione. Roma, 1973.

«Однако характер использования чтений извода *Син.* в списке *С* таков, что едва ли возможен был именно такой путь создания текста списка *С*. Конечно, общие чтения исторического характера вполне могли появиться в списке *С* таким путем, но отдельные мелкие изменения в одно-два слова, не вносящие по существу в содержание ничего нового, едва ли какой-нибудь редактор стал бы вносить и менять по другому списку. Они, скорее всего, могли появиться в списке *С* только из основного источника, а не из дополнительного. Такие же сомнения вызывают и изменения, касающиеся содержания и грамматического строя целых предложений. Если бы писец списка *С* следовал за изводом *Унд.*, то с какой целью стал бы он грамматически стройное предложение этого извода — «Не в обиде есмя были» — заменять явно несогласованным вариантом извода *Син.*? Этот вариант является вторичным, искаженным текстом, его не было в изводе *Унд.*, следовательно, в список *С* он вошел из извода *Син.*

«Точно так же кажется маловероятным, чтобы составитель текста списка *С*, имея в основе текст извода *Унд.*, внес бы в него изменения по списку извода *Син.* в той части, где приведено обращение Осляби к Пересвету. И в этом случае неясно, зачем писцу списка *С* понадобилось бы четкий текст речи о сыне Осляби, читающийся в изводе *Унд.*, заменять отрывочным текстом извода *Син.*, где недостает одного глагола, а затем слова возвращаться к своему основному оригиналу, т. е. изводу *Унд.*, и из него брать окончание предложения? Нет никаких оснований для того, чтобы предполагать такой запутанный и смыслом текста необъяснимый путь работы над «Задощиной» писца списка *С*.

«Приведенные соображения, хотя и не имеют силы неоспоримых доказательств, однако в своей совокупности делают маловероятным предположение, что список *С* в основе имел список извода *Унд.* и только пополнялся по списку извода *Син.* (если считать, что извод *Син.* близок тексту списка *Кб*)» (с. 222—223).

В рассуждениях Р. П. Дмитриевой, помимо их значения для решения вопроса о характере списка *С* и его объяснения, предложенного Л. Матейкой, А. А. Зиминым и А. Данги, очень большой интерес представляет теоретическая сторона. Нельзя не согласиться с Р. П. Дмитриевой, что ошибки текста могут передаваться только из основного протографа, но дополнительный текст не может влиять на основной текст своими ошибками, особенно теми, которые обесмысливают текст, делают его непонятным.²³

Ошибки и искажения (причем явные искажения, бессмысленные ошибки) не могут переходить в основной текст из дополнительного источника, ибо перенос из дополнительного источника — всегда более или менее сознательное явление.

Если признать правильным это наблюдение (а я не могу пока представить себе, при каких обстоятельствах это общее положение могло бы быть оспорено), то общие со списком *Кб* ошибки и неясности в списке *С* могли передаваться только из основного списка, и поэтому объяснение особенностям этого списка *С*, предложенное Зиминым и А. Данги, принято быть не может.²⁴

²³ Правка одного списка по другому — довольно частое явление в древнерусской письменности. Имеется много рукописей, в которые непосредственно вносились такая правка. Это всегда исправления, осмысливающие текст, или дополнения, или, в крайнем случае, замены одного осмысленного текста другим осмысленным. Но правка текста никогда не заключается в переносе явно ошибочных или бессмысленных с точки зрения древнерусского писца чтений. Это положение принципиально важно, но, к сожалению, я не отметил его в моей книге «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.» (М.—Л., 1962).

В уже упомянутом докладе на Международном съезде славистов в Варшаве «Об особом типе древнерусской рукописной традиции: тексты с двумя редакциями и проблема их издания» А. Данти учитывает результаты работ Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриевой по выявлению индивидуальных особенностей Ефросина как переписчика рукописей.

А. Данти принимает выводы работ Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриевой как доказательство того, что существует две редакции дошедших текстов «Задонщины», однако при этом близость *С* к списку *Кб* и к выдержкам из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» и одновременно к списку *Кб* им по-прежнему полностью игнорируется.

Чтобы понять, почему А. Данти придерживается именно такого взгляда, присмотримся к методике рассуждений А. Данти в его докладе на последнем Международном съезде славистов.

Прийти к правильным заключениям по истории текста «Задонщины» А. Данти явно мешают постоянно перекрещивающиеся с исследованием по истории текста практические задачи издания текста.

А. Данти интересуют в первую очередь не столько те разночтения, которые, будучи сами по себе незначительными и мало сложными, показательны, тем не менее, для истории текста и для выяснения взаимоотношения списков, сколько те разночтения, которые затрудняют издателя текста и место которых должно быть определено в подготовляемом издании. Этот «практицизм» в подходе к тексту мешает выявлению истории текста и в конечном счете затрудняет его издание.

* * *

Перехожу к заключению. Итак, вопросы эдиционные должны решаться только после того, как история текста решена с возможной¹ для данного случая полнотой и совершенно независимо от будущих задач издания. Исследование истории текста не может быть заранее подчинено задачам издания. История текста решается не по частям в зависимости от потребностей издателя (какой список признавать «лучшим»,²⁴ как быть с тем или иным разночтением и пр.), а в целом — для всех списков и всей традиции.

При этом, и это особенно важно в сложных и трудных случаях, как это мы имеем в «Задонщине», процесс восстановления истории текста должен двигаться от поздних явлений к более ранним (обратно тому, как это имело место в действительности). Исследователь должен идти не от суммарных характеристик нескольких списков сразу (признаваемых им за редакцию, вид, извод и пр.), а от характеристик каждого списка в отдельности (особенно, когда этих списков мало, — как в случае со списками «Задонщины», когда они сравнительно поздние и когда все решительно списки сильно разнятся друг от друга). Индивидуальные особенности каждого отдельного списка никак не должны игнорироваться.

Если считать основным значением крупные различия текстов (что, конечно, существенно для их издания), то необходимо будет признать деление текстов «Задонщины» на две редакции. К одной будет принадлежать редакция списка *Кб*, а к другой — все остальные. И при этом можно игнорировать выдержки из «Задонщины» в списках «Сказания о Мамаевом побоище», так как их, разумеется, издавать не следует. Установив с самого начала это деление текстов «по крупному счету», можно перейти к выявлению индивидуальных особенностей для подведения разночтений. Та-

²⁴ Критику традиционного понятия «лучший список» см.: Д. С. Лихачев. Понятие «лучшего списка» в текстологической работе. — Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960.

кой способ подхода к текстам традиционен и даже, в какой-то мере, удобен для издателей.

Если же думать о возможно более глубоком проникновении в историю текста, то необходимо прежде всего (до деления текстов на редакции, ибо редакции определяются только в результате исторического изучения дошедших текстов, а не в результате простой классификации разночтений) исследовать индивидуальные особенности каждого списка и выделить в них поздние особенности; причем не следует ограничиваться только списками данного памятника, а принимать в расчет все свидетельства текста и изучать, если это возможно, особенности работы писца того или иного списка. Именно такой подход и характеризует работы о «Задонщине» Р. П. Дмитриевой.

Исключительные возможности предоставляет для такого рода подхода именно список *Кб*. Его писец Ефросин достаточно определенно выявил особенности своего обращения с текстами в оставшихся от него рукописных сборниках.

Если из переписанного Ефросином текста *Кб* удалить все, что так или иначе связано с особенностями его обращения с текстами, то законно поставить вопрос (поскольку этот слой «поздний») — с текстом какого из других списков сходствует «ранний» слой *Кб*. Сравнительно с «поздним» индивидуальным ефросиновским слоем текста *Кб* его «ранний» слой менее достоверен, но, тем не менее, вполне достаточно и его показаний, чтобы определить его близость к списку *С*. Эти сходства находят подкрепление в особенностях того текста «Задонщины», который включен в Печатный вариант «Сказания».

Сходств этих недостаточно, чтобы говорить о редакции идеологической или стилистической, но вполне можно называть группу *Кб*, *С* и список «Задонщины», отраженный в Печатном варианте «Сказания», изводом или вариантом.

Перед нами исключительно интересный и очень показательный случай истории текста: четко определяющаяся исторически редакция входит в более ранний извод или вариант. Сперва создались два извода, а затем от одного из изводов возникла новая редакция.

При механическом разделении списков по значительности их разночтений, при подчинении группировки списков задачам издания текста такой результат, разумеется, не мог бы получиться.

Как дихотомные стеммы списков являются чистым результатом Лахмановской методики классификации списков, так и вторичность мелких разделений текстов сравнительно с крупными и исключение возможных обратных связей являются чистым результатом, с одной стороны, «эдиционного практицизма», а с другой — приблизительной и облегченной методики распределения текстов по редакциям с помощью количественного анализа разночтений.

Реализм советской школы текстологии (термин Минисси)²⁵ является прямым следствием ее историзма, но этот «реализм» труден и сложен, он совсем не облегчает работу текстолога, которая мыслится вовсе не как работа издателя текста, а его историка.

²⁵ H. Minissi. Criteri e metodi nella edizione e recensione della *Povest' vremennyh let*. — Ricerche slavistiche, t. V. Roma, 1957, p. 16—28.